

С этими словами Чи Фэйжань изящно крутанул клинок, повторив недавнее движение, которому его научил постановщик трюков.

Парень схватывал всё на лету. Не прошло и половины дня, а его владение оружием уже выглядело на удивление убедительно.

Жун Цзинь, который и сам примерно понимал уровень его подготовки, ничуть не удивился.

— Чем ещё занимался? — спросил он.

— Тхэквондо и саньда, — послушно перечислил Чи Фэйжань. — Всего понемногу.

Были ещё стрельба и лук, но к ним душа не лежала, так что занимался он без особого рвения и выдающихся успехов не достиг.

Жун Цзинь кивнул:

— Надеюсь, как-нибудь выдастся случай посмотреть.

Тем временем к ним подошли режиссёр Цзинь и постановщик трюков Сяо Ван.

Цзинь Хунъань смерил юношу оценивающим взглядом с ног до головы, словно пытался разглядеть в этой хрупкой фигуре хоть какой-то намёк на спортивное прошлое.

Под этим пристальным взглядом Чи Фэйжань почувствовал себя неловко.

— Режиссёр? — осторожно позвал он.

Цзинь Хунъань ничего не разглядел, но кто мешал проверить парня в деле?

— Ну-ка, покажи, на что способен, — скомандовал он.

Раз уж сам мэтр просит, Чи Фэйжань отступил на пару шагов, принимая исходную стойку. Меч в его руке взлетел, выписывая в воздухе связку движений, которую только что показал наставник.

Юноша, прекрасный и чистый, словно резной нефрит, в белоснежных одеждах и с собранными в пучок тёмными волосами, казался невероятно изящным. Широкий пояс старинного халата подчёркивал тонкую талию и статную фигуру. При каждом выпаде полы его одеяний взлетали, а клинок в руке изгибался послушным драконом — движения выходили на удивление стремительными, резкими и безупречно точными.

Цзинь Хунъань лишился дара речи.

Чёрт возьми, да он крупно ошибся!

Режиссёр привык списывать нынешнюю молодёжь в разряд изнеженных неженков, которые от любого дуновения валятся с ног. Кто же знал, что этот мальчишка таит в себе такую силу?

Похоже, Цзинь Хунъаню просто замылили глаза эти «айдолы», которым даже для простейших разговорных сцен требовался десяток дублёров-каскадёров. Из-за них он едва не проглядел настоящее сокровище.

Да нет, какое там «сокровище в огранке». Парень перед ним вовсе не был необработанным алмазом — он уже сиял вовсю, ослепляя своим блеском.

Внешность, врождённое благородство, умение петь и играть на инструментах... Да ещё и песни сам пишет, как поговаривают. А теперь вдобавок ко всему выясняется, что он так чертовски хорош в боевой хореографии!

Цзинь Хунъань шумно выдохнул и искренне признался:

— Как же мне хочется переписать сценарий...

Закончивший тренировку Чи Фэйжань как раз подошёл ближе и застыл в замешательстве. Он никак не мог понять: эти слова режиссёра — признак высшего одобрения или, напротив, крайнего недовольства?

Постановщик трюков покосился на режиссёра с тихим ужасом. "Опять переписывать?!"

Положение спас Жун Цзинь, негромко заметив:

— Имейте совесть, режиссёр. Сценаристы тоже люди.

Цзинь Хунъань и сам прекрасно понимал: заставь он команду сейчас перекраивать сюжет, сценаристы просто вымрут от инфарктов прямо на рабочих местах. Слегка кашлянув, он буркнул:

— Да я так, просто вслух подумал.

Но смириться с упущенной возможностью было тяжело, и он снова вперил тоскливый взгляд в Чи Фэйжана.

Персонаж Чу Бай погибал слишком рано. По сути, в фильме «Рыцарские кости» его история обрывалась в самом начале.

Основное действие разворачивалось уже после его кончины. Чу Хэн завоевывал славу в мире боевых искусств, топил в крови цитадель демонического культа — формально покойный Чу Бай не имел к этому никакого отношения. Но если вдуматься, именно он служил отправной точкой всей драмы.

Чу Бай пробудил в душе Чу Хэна стремление защищать слабых и восстанавливать справедливость. Он стал той самой «рыцарской костью» в его скелете, источником его скрытой нежности.

Жестокость зелёных лесов и коварство человеческих сердец блекли перед светлым образом Чу Бая, всплывающим в памяти. Его фигура была единственным ярким пятном на этом мрачном фоне.

Подобно незримой нити, этот герой должен был постепенно раскрываться в воспоминаниях Чу Хэна на протяжении всей ленты, собираясь по крупикам в единый образ — далёкий луч света во тьме.

Но у такой повествовательной структуры была и обратная сторона — хронометраж Чу Бая оставался ничтожно малым.

Прошлое не могло заменить настоящее, ведь двигателем сюжета оставались события сегодняшнего дня. Делать картину из одних флешбэков не имело смысла — тогда уж проще было сразу снимать предысторию об их совместном пути.

Режиссёр Цзинь тяжело вздохнул и с укоризной, словно досадуя на непутёвого сына, уставился на юношу:

— И как тебя угораздило так поздно прийти в индустрию? Дебютировал бы пораньше, глядишь, мы бы прописали тебе куда больше экранного времени!

Жун Цзинь едва сдержал улыбку, а постановщик трюков лишь мысленно развёл руками. Полноте, разве от самого паренька тут что-то зависело?

Чи Фэйжань немного помолчал, а затем виновато выдавил:

— Простите, я виноват...

— Вот именно! — подхватил режиссёр.

— Возьмите его в свой следующий проект, — предложил Жун Цзинь.

Режиссёр едва не ляпнул: «Да обязательно!» Но вовремя прикусил язык. Подобными обещаниями в кинобизнесе не разбрасываются.

Он сердито зыркнул на Жун Цзиня:

— А ты не лезь под руку! Тебя я в следующий фильм точно не позову!

Жун Цзинь лишь снисходительно улыбнулся:

— Что, совсем никогда?

Больше всего на свете режиссёру хотелось гордо отрезать: «Никогда!» Этот невыносимый тип Жун Цзинь кого угодно мог довести до белого каления. Но выдавить из себя столь опрометчивые слова Цзинь Хунъань так и не решился.

Махнув рукой, он поспешно сменил тему и обратился к Чи Фэйжаню:

— Так, ладно. Давайте попробуем спарринг. Покажите мне бой!

Постановщик трюков, подавив вздох, взял тренировочный меч и встал напротив юноши, чтобы прогнать заученные связки.

Поскольку времени на репетиции было в обрез, наставник опасался, что актёры с непривычки могут поранить друг друга настоящим реквизитом, поэтому все боевые сцены отрабатывал с ними сам. Вот и сейчас он лично вызвался ассистировать.

Цзинь Хунъань наблюдал за ними, хмурясь всё сильнее. Наконец, не выдержав, он скомандовал прямо посреди движения:

— Сяо Ван, назад! Жун Цзинь, твой выход! Иди на площадку!

Постановщик трюков Сяо Ван послушно отступил. Проходя мимо Жун Цзиня, он успел шепнуть актёрам, чтобы те не частили с выпадами во избежание травм. Но едва Сяо Ван подошёл к режиссёру, как тот задумчиво пробормотал:

— Знаешь, Сяо Ван... Раньше мне казалось, что у тебя вполне обычное лицо. Но сейчас...

Конец фразы потонул в красноречивом молчании.

Сяо Ван лишился дара речи.

"Да чтоб вас всех... — мысленно выругался каскадёр. — Была бы у меня такая физиономия, как у этих двоих, на кой чёрт я бы вообще пошёл в постановщики? Давно бы уже сам блистал на экранах!"

Тем временем два безупречных красавца уже застыли друг напротив друга с клинками наготове. Чи Фэйжань пошёл в атаку первым, а Жун Цзинь плавно заблокировал выпад.

Каким-то невероятным образом их визуальная гармония творила чудеса. И пускай Сяо Ван был профессионалом своего дела, совместный танец Жун Цзиня и Чи Фэйжана выглядел несравнимо эффектнее и изящнее.

Сухой стук бутафорского оружия не отличался реалистичностью, однако пластика движений, лёгкость шагов и безупречный ритм создавали ощущение абсолютной слаженности. Актёры двигались словно единый, безупречно отлаженный механизм.

Сяо Ван наблюдал за этим с лёгкой завистью, в то время как лицо режиссёра расплылось в довольной улыбке. Едва они опустили мечи, он искренне похвалил:

— Отлично! Просто отлично!

Впрочем, одно дело — репетиция, и совсем другое — реальные съёмки. Стоило камере включиться, как начались проблемы.

— Хватит прыгать как кузнечик! — гремел в мегафон Цзинь Хунъань. — Чуть мягче движение, кисть расслабь! У твоего героя здоровье на ладан дышит, откуда в нём столько прыти?! Ты ещё размахнись посильнее и разруби старшего брата пополам, чего уж там!

Чи Фэйжань замер с виноватым видом.

Сделать бой зрелищным, но при этом показать слабость в замахе, да ещё и не потерять в динамике — задача казалась практически невыполнимой.

Чи Фэйжань был крепким, здоровым парнем (не считая лёгкой склонности к гипогликемии), и если в разговорных сценах ему ещё удавалось изображать болезненную бледность, то во время активных движений притворяться немощным было безумно тяжело.

Совместить сложный рисунок боя с актёрской игрой — настоящее испытание.

— Тут я тебе ничем не помогу, — негромко усмехнулся стоящий рядом Жун Цзинь.

Чи Фэйжань обречённо вздохнул, но попытался отшутиться:

— Неужели старший брат бросит меня в беде?

Жун Цзинь окинул взглядом его растерянное лицо. Парень явно был на грани отчаяния. Немного подумав, мужчина предложил:

— Есть один способ. Но придётся попотеть.

Чи Фэйжань усталости не боялся. Куда сильнее он опасался того, что если они завалят ещё один дубль, режиссёр Цзинь не станет дожидаться, пока Чу Бай прирежет своего старшего брата, а лично выхватит бутафорский клинок и прибьёт их обоих на месте.

Жун Цзинь вполголоса дал ему несколько указаний и заставил отдать оружие.

Заметив, что парень припустил прочь с площадки, Цзинь Хунъянь побагровел и закричал идущему к нему Жун Цзиню:

— Он что, сбежал?! А ну верни его быстро! Куда ты его отпустил?!

Члены съёмочной группы растерянно переглядывались, не зная, что делать: то ли бежать за беглецом самим, то ли довериться авторитету киноимператора.

Ли Юань и Чэнь Мэнъян, наблюдавшие за сценой со стороны, тоже пребывали в лёгком замешательстве. Насколько они успели изучить характер Чи Фэйжана, тот никогда не отличался капризностью и не стал бы устраивать истерик из-за замечаний режиссёра.

Но парень всё-таки был совсем юн, и в глубине души помощники затрепетали — вдруг задетое самолюбие взяло верх?

Жун Цзинь спокойно передал мечи бутафору и поспешил успокоить взволнованную толпу:

— Я отправил его пробежаться вокруг павильона. Пусть вымотается как следует, тогда и снимем.

Режиссёр едва не задохнулся от возмущения:

— Он же весь вспотеет! Грим поплывёт!

— А что проще, — парировал Жун Цзинь, — поправить грим или тратить драгоценное время на бесконечные испорченные дубли?

Цзинь Хунъань замолчал.

Разумеется, подкрасить актёра было в сто раз легче, но признавать правоту Жун Цзиня не хотелось из принципа.

В итоге гнев режиссёра привычно обрушился на виновника затеи:

— Ты же хвастался, что умеешь работать с новичками! И где результат?!

Жун Цзинь невозмутимо поправил складки своего исторического костюма и мягко заметил:

— Но вы ведь всё равно соглашаетесь с моим решением, разве нет?

Взбешённый до предела режиссёр швырнул раскадровку на стол и рывкнул ассистентам:

— Позовёте меня, когда этот бегун вернётся и его приведут в порядок!

Однако вопреки всеобщим ожиданиям, ожидание затянулось почти на целый час.

Посмотрев на часы, Жун Цзинь слегка опешил. Он повернулся к Ли Юаню и с недоумением спросил:

— Он что, действительно настолько вынослив?

Ли Юань промолчал, растерянно покосившись на Чэнь Мэнъяна. Тот, будучи личным помощником, знал привычки босса куда лучше и тихо пояснил:

— Вообще-то... Фэйжань каждое утро бегают.

Киноимператор Жун, для которого понятие «утренняя пробежка» существовало разве что в теории, завистливо вздохнул:

— Да уж, молодость... Завидую.

Чэнь Мэнъян не удержался от любопытства:

— Брат Жун, а вы сами разве не бегаете?

— По утрам я мёртв для этого мира, — честно признался тот. — Так что бегаю исключительно

по вечерам.

Помощник понимающе закивал. Удивительного тут было мало: в их профессии нормальный режим сна и бодрствования считался непозволительной роскошью.

Стоящий поодаль Чан Хаоцин, уловив момент, закатил глаза. "Конечно, не встать ему с утра! Если полночи торчать в сети, рассматривая комментарии, ещё и не так раскиснешь!"

Наконец, спустя час, беглец вернулся на площадку. Кожа Чи Фэйжана покрылась мелкой испариной, однако благодаря безупречному природному тону лица грим наносили тонким слоем, так что выглядел парень на удивление свежо.

На его щеках горел яркий здоровый румянец — этот естественный контраст красил юношу гораздо больше, нежели сложная палитра искусственного грима.

Слегка переводя дыхание, он посмотрел на Жун Цзиня:

— Старший брат... Кажется, теперь я готов.

<http://bllate.org/book/18265/1753984>